

Похищение Ядвиги

Яков АЛЕКСЕЙЧИК,
журналист

В этом году исполнилось 615 лет, как ушла из жизни двадцатипятилетняя Ядвига – одна из трех наиболее известных на Беларуси польских королей. Ее отец Людовик (Лайош) I был королем Венгрии и Польши, она с детства говорила по-мадьярски, по-французски, знала латынь. В ноябре 1384 года ее одиннадцатилетней девочкой возвели на польский трон. В памяти поляков Ядвига осталась благочестивой и просвещенной государыней, пожертвовавшей свои драгоценности Краковскому университету. В конце XX века Папа Римский Иоанн Павел II провозгласил ее святой. Но вряд ли будет ошибкой сказать, что при жизни она была мученицей.

Порогом, за которым она вступила на стезю мученичества, стало ее замужество с литовским князем Ягайло. Тот жребий для нее выпал в белорусском Крево, которое теперь является центром сельсовета в Сморгонском районе, а когда-то было столицей удельного княжества в ВКЛ.

Кревская уния, заключенная в конце XIV века между Великим Княжеством Литовским и Польским королевством, могла называться иначе. В Крево 14 августа 1385 года ее условия подписал только Ягайло. Уже в Волковыске 11 января 1386 года польские послы сообщили, что готовы принять его в качестве короля, а в феврале и марте в Люблине и Кракове он был крещен, обвенчан и коронован. Но уния могла стать и Московской, поскольку до этого Ягайло просил руки дочери Дмитрия Донского. И дело не в том, что он никак не мог решить, которая из невест «всех прекрасней и милее». Женильбу Ягайло можно сравнить с бракосочетанием Владимира Крестителя и греческой царевны Анны в десятом веке: князь Владимир принимал христианство из Византии не только для себя лично: то решение определило последующий путь всей Руси-России. Женильба Ягайло тоже изменила вектор развития

ВКЛ, спасла Польшу от исчезновения еще в XIV–XV веках, хотя и привнесла многие испытания и искушения в ее судьбу. Да и в судьбу народов ВКЛ тоже.

Впрочем, на польский трон должна была сесть Мария, старшая сестра Ядвиги. Дело в том, что со смертью в 1370 году Казимира Великого ситуация с наследованием трона в Польском королевстве осложнилась. Монарх сына не имел, и корону «по совместительству» возложил на себя Людовик (Лайош), мать которого была сестра почившего Казимира. Но и у Людовика, пишет польский историк Павел Ясеница, была та же проблема – рождались только дочери. И тогда глава дома решил изменить правила наследования. Сделать это можно было только с согласия шляхты, а Людовик у поляков почтением не пользовался, так как в Польше почти не бывал, польского языка не знал, уступил Силезию германским Люксембургам, чтобы за наследника этого монаршего дома Сигизмунда выдать дочь Марию. И все же в 1374 году был подписан «генеральный договор». Людовик в шесть раз снизил для шляхты земельный налог, а она согласилась «признать наследственное право его дочерей, а именно той, на которую укажет он сам, его мать либо жена».

Для Польши предназначалась Мария. Шляхта ей даже присягнула как своей будущей госпоже.

Дальнейший ход событий поломали венгры. После смерти Людовика в 1382 году они, проигнорировав завещание, провозгласили своей королевой Марию. Тогда королева-мать Елизавета заявила, что на польский трон взойдет младшая Ядвига. Однако она пожелала, чтобы после коро-

ОБ АВТОРЕ

АЛЕКСЕЙЧИК Яков Яковлевич.

Родился в 1948 году в д. Переспа Дрогичинского района Брестской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета (1972) и Минскую высшую партийную школу (1979). Работу в печати начал в 1966 году в Ивановской районной газете «Чырвоная звызда». Был на партийной работе в Ивановском райкоме КПБ, Брестском обкоме КПБ, ЦК КПБ.

С 1988 по 2002 год – генеральный директор Белорусского телеграфного агентства (БЕЛТА), в 2006–2009 годах – главный редактор издательства «Беларусь».

нации дочь на три года – до достижения зрелого возраста – вернулась в Венгрию. Шляхта согласилась на Ядвигу с условием, что та навсегда переедет в Краков – тогдашнюю польскую столицу. Так, формально не нарушив трактатов, поляки порвали с венгерской династией, у которой «ничему хорошему не научились».

У Ядвиги тоже был нареченный – Вильгельм Габсбург. И как раз в то время, когда в Крево шли переговоры с литвинами, Вильгельм проник не только в Вавель – резиденцию королей, отмечает Ясеница, но и, возможно, на ложе Ядвиги. Она даже пыталась уйти с Вильгельмом, но была остановлена стражей. Современник Ягайло польский хронист Ян Длугош в своих «Анналах, или Хрониках славного Королевства Польского» тоже записал, что Ядвига «с князем Австрии Вильгельмом бывала в постели, и дело дошло до физического исполнения супружеских обязанностей». Польский историк XIX века Михал Героним Бобжиньский на основании городских записей того времени даже утверждал, что «краковские мещане шумно и торжественно» отпраздновали «окончательное исполнение супружества королевы Ядвиги и князя Вильгельма». А современный исследователь Анджей Зелиньский, процитировавший эти слова в вышедшей в прошлом году в Польше книге «Скандалисты в коронах», пишет, что Вильгельм был не женихом, а законным мужем Ядвиги.

Их обвенчали 15 июня 1378 года в сорока километрах от Вены в городке Хайнбург. В местном храме «перед алтарем, в присутствии многих титулованных гостей и папского нунция, четырехлетняя тогда королева Ядвига Робертине д'Анжу, дочь Людовика Венгерского и Елизаветы Котроманич, дочери бана Боснии, официально стала женой князя Вильгельма с соблюдением канонического правила *sponsalia de futuro*, то есть возможности воспользоваться тем супружеством в будущем, по достижению невестой совершеннолетия (тогда это было двенадцать лет) в любой момент и без необходимости возобновления брачных торжеств». Зелиньский уточняет, что это было «бракосочетание, по всем меркам соответствующее тогдашнему костельному церемониалу со всеми последствиями», юных новобрачных даже символично укладывали в одну постель. И поясняет: «Совершение таких детских бракосочетаний имело тогда

◀ Ядвига. Портрет работы М. Бачиарелли

в Европе полную правовую силу, одинаково действующую как в религиозной, так и в светской, политической жизни». Он добавляет, что родители подкрепили брак «квотой в двести тысяч флоринов, которая в день действительной реализации супружества была бы заплачена королеве-матери, то есть Елизавете Боснячке», но «если бы до реализации результатов бракосочетания дело не дошло по вине молодой, то те двести тысяч флоринов получил бы несостоявшийся супруг – князь Вильгельм». Такую сумму потом пришлось платить Ягайло, а это 700 килограммов золота, или 150 миллионов нынешних долларов США.

А. Зелиньский констатирует: «Герои и свидетели события в Хайнбурге не догадывались, что участвуют в освящении большой драмы, жертвой которой всего через восемь лет станет Ядвига – во имя высшей цели, практически силой, она будет понуждена к отказу от всего, что до того являлось для нее смыслом жизни, и к вступлению в новое замужество без учета предыдущего брака, из-за чего до последних дней над ней будет довлеть упрек в бигамии», то есть двулюбии. Главу, посвященную Ядвиге, автор озаглавил вполне недвусмысленно: «Королева-бигамистка». Так уничижительно называли Ядвигу и крестоносцы, заявляя, что она не жена, а наложница Ягайло.

► «Присяга королевы Ядвиги». Художник Ю. Симмлер. 1867 год. Национальный музей, Варшава

Дело о законности брака Ядвиги и Ягайло рассматривалось в папском трибунале в Риме. После свадьбы в Вену приехал краковский каноник Михаил Тромба, который привез те самые 200 тысяч флоринов из кассы Ягайло. Деньги, пишет А. Зелиньский, были с жадностью приняты, но истолкованы как признание двумужия Ядвиги. И в феврале 1387 года к папе Урбану VI отправилось посольство, которое формулировало просьбу о проведении «канонического процесса о бигамии против польской королевской пары». Обратились в папский трибунал и крестоносцы, обеспокоенные польско-литовским союзом, потребовав вызвать на суд самого Вильгельма. Тот отказался прибыть в Рим, сообщив, что больше не претендует на руку «вероломной особы». А из Кракова в апостольскую столицу приехал епископ Доброгост Наленч с польскими документами о свадьбе и о ходе христианизации Литвы. Через два года Урбан VI признал брак Ядвиги и Ягайло действительным.

Решение «сменить мужа» далось Ядвиге с трудом. И не потому, что в Польше вслух говорили, будто Ягайло «мал умом». Как написал Сергей Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен», ее «сильно беспокоила молва, что Ягайло был варвар нравом и урод телом», а ужаса добавляло подозрение, что у него есть хвост. Она по-

сылала к будущему мужу «самого преданного человека» рыцаря Завишу из Олесницы, который смог побывать с Ягайло в бане и донес, что «литовский князь наружностью приятен, красив и строен, роста среднего, длиннолиц, во всем теле у него нет никакого порока...». После сообщения из Крево, пишет А. Зелиньский, коронная рада фактически держала Ядвигу под домашним арестом, настойчиво убеждая «пожертвовать личным счастьем ради присоединения языческой Литвы к Костелу». И та согласилась, «чтобы обеспечить разрастание христианской веры». Запись в «Календаре краковского кафедрального собора», сделанная 18 февраля 1386 года, гласит, что «Ядвига официально признала недействительными... условия, принятые родителями в деле своего союза с Вильгельмом, разрывая тем самым собственное обручение в Хайнбурге». Одновременно автор цитирует и хроники крестоносцев о том, с каким возмущением Ядвига потом реагировала «на предложения своего исповедника Станислава из Скарбимежа чаще проводить своего мужа в постели», ибо «супругов делило буквально все: возраст, культура, обычаи». Даже польский язык они только осваивали.

Претендент на руку Ядвиги имелся и среди поляков – великопольский удельный князь Земовит IV. Он происходил из Пястов, его женитьба на Ядвиге могла вернуть на трон древнюю польскую династию. Земовит даже пытался похитить Ядвигу, но краковяне наглухо заперли городские ворота. Из общения с Людовиком Венгерским шляхта сделала вывод, что иностранец на троне лучше сородича, ибо чувствует себя менее уверенно и должен торговаться, чтобы приобрести расположение. Насчет того, что ставкой является не королева, а королевство, существовала полная ясность, потому искали не обладателя трона, а крепкого союзника. Ягайло подошел лучше всех, ведь в Польше хорошо знали воинские возможности литовцев.

Свежа была память о налете Кейстута в 1375 году. Тогда, двигаясь правым берегом Вислы, литовцы достигли Тарнова, «все сжигая, грабя, беря трофеи и пленных». И такие походы имели давнюю историю. П. Ясеница сосчитал, что с 1237 по 1263 год литовские кунигасы (князья) тридцать три раза отправлялись в походы, притом каждый четвертый раз – на Польшу. Доводами в пользу

Ягайло были возможные территориальные приобретения на востоке и, особенно, христианизация Литвы по католическому образцу. Проведение ее польским костелом «укрепило бы позиции Польши в Европе», а такой «аргумент казался неотразимым».

Неизвестно, утверждают историки, кто первым предложил свадьбу Ядвиги и Ягайло. В России исходят из того, что это сделали поляки. В Польше мнения разделились: Оскар Галецкий полагал, что Польша, Людвик Колянковский – что Литва, а П. Ясеница утверждал, что главное слово сказали обстоятельства. Итоги правления Казимира Великого и Людовика Венгерского оказались неутешительными. Королевство, которое собрал Владислав Локотек (Локоток: король имел 140 сантиметров роста) – отец Казимира, стало расплзаться по швам. Нужен был новый стимул, и его могло дать замужество наследницы престола, ибо стало ясно, что без сильного союзника королевство погибнет. Тут и пригодился опыт взаимодействия с ВКЛ во времена того же Локотка и Гедимины, когда одна из Гедиминовых дочерей Альдона, в крещении Анна, стала первой женой Казимира Великого. Литвины на время перестали быть грозой для королевства.

Однако и в ВКЛ не все ладилось. То, что Ягайло сначала просил руки дочери Дмитрия Донского, подчеркивает, что главным и для него был политический союзник, а не спутница жизни. В Куликовской битве в 1380 году литовский князь был на стороне татар, с которыми схлестнулись рати Дмитрия. Правда, Ягайло двинулся к Мамаю настолько медленно, что опоздал, хотя ставка была велика. Известный русский и американский историк Георгий Вернадский, ссылаясь на Никоновскую летопись, пишет, что, по договоренности с Мамаем, в случае победы над Дмитрием предполагалось поделить земли Московского государства между Ягайло и рязанским князем Олегом – еще одним татарским союзником. Ягайло и Олегу предстояло управлять ими в качестве ордынских вассалов. Однако верх взял Дмитрий, Мамай через год побил его хан Тохтамыш, а Ягайло в том же 1381 году вынужден был просить у Тохтамыша ярлык на право быть главным в ВКЛ. Так что у него и Дмитрия ко времени сватовства был одинаковый статус. Да и наивно думать, что в то время кто-то из соседей орды был от

нее независим, как ныне твердят отдельные авторы.

По словам Л. Колянковского, победа Дмитрия на Куликовом поле могла стать катастрофой для престижа литовского государства в глазах его русских подданных. Ведь «это русский, православный князь сломал, разгромив единым махом, всю орду, мощь того, кто был политическим верховником всей Руси, отодвигая в тень все усилия, сделанные литовскими властелинами». Подтверждением стал переезд митрополита Киевского и всея Руси Киприана в Москву, где его встречал сам Дмитрий Донской. Киев трактовался как главный русский город, обладание им символизировало права на всю русскую землю. И вот Киприан уезжает в Москву, передавая ей эстафету главенства. Станислав Смолка отмечал, что митрополит «оставил тонущий корабль, каким стало литовское государство после Куликовской битвы».

Москва на предложение литовских сватов дала сугубо политический ответ. От Ягайло потребовали определиться, с кем он, предложив «креститься в православную веру и крестянство свое объявить во все люди». Определяться же было и легко, и сложно. Легко потому, что для владельцев ВКЛ религия не была фактором решающим. Гедимин в 1324 году во время встречи с папскими легатами заявил, что «если когда-либо встанет необходимость принятия христианства, то пусть меня окрестит дьявол». Витовт крестился трижды: сначала у крестоносцев по католическому обряду и стал Вигандом, затем, владея Брестом, перешел в православие, а во время женитьбы Ягайло вернулся в католики под именем Александр. Так потом часто поступала знать ВКЛ, метавшаяся между православием, протестантством и католичеством. Главными были власть и богатство, в стремлении к которым больше полагались на силу и хитрость.

Затрудняла же выбор боязнь, что с переходом в православие кунигасы растворятся в русском море, тем более что эту религию исповедовало большинство подданных Ягайло. По православному обряду крестились и многие Гедиминовичи. Получалось, что литовцы подчиняли русские земли, а русская культура подчиняла их самих. Усложняло ситуацию и то, что в 1384 году князь ВКЛ «целовали крест великому князю Дмитрию Ивановичу, брату его князю

Владимиру Андреевичу и их детям». Речь идет о договоре, подчеркивают И.Б. Греков и Ф.Ф. Шахмагонов, по которому «великому князю Ягайле» предстояло быть в воле Москвы. Принятие же христианства от ордена тоже означало подчинение не только его силе, но и идеологии.

А Ягайло, утверждает П. Ясеница, был человеком, который из каждой ситуации желал иметь, как минимум, два полезных для себя выхода. Наследуя корону отца, он получал лишь половину власти, так как фактически в ВКЛ формой правления была диархия: Ольгерд правил вместе со своим братом Кейстутом. После его смерти такой порядок должен был сохраниться в форме совместного правления Ягайло и Кейстута, а затем Ягайло и Витовта – сына Кейстута. Но Ягайло считал, что дядя будет ему помехой. Родственников он называл «клубком змей», не прикасался ни к пиву, ни к хмельным медам, опасаясь отравления, пил только родниковую воду, в которую сложнее что-то подмешать. В мае 1380 года перед выходом на помощь Мамаю он договорился с крестоносцами «о вечной дружбе», но понятие дружбы не распространял на земли, контролируемые Кейстутом. На них рыцарству можно было нападать, те даже разрешили Ягайло помогать дяде, понимая, что помощь опоздает. Через год, не будучи заинтересованными в укреплении ВКЛ, они «сдали» союзника, и Кейстут лишил племянника главенства в княжестве. Однако дядя не стал карать Ягайло, отправив его на удел в Витебск, за что и поплатился. Тот всех перехитрил, и Кейстут был лишен жизни.

В расчете на два выхода из ситуации планировал Ягайло и свою женитьбу, посылая сватов в противоположные стороны. А еще его беспокоило, что власть литовских князей, пребывавших в язычестве и отставших от остальной Европы на четыреста-пятьсот лет, во многом основана на умении подобрать то, что плохо лежит. Совсем недавно они, обитатели бедных балтийских земель, жили разбоем. Образно об их походах «на три стороны света» написал Адам Мицкевич в стихотворении «Три Будрыса». Основные удары направлялись на богатые русские земли, ибо «жены их, как в окладах, в драгоценных нарядах, дома полны, богат их обычай». Действия литовцев были столь дерзкими, что русичи сравнивали их с половецкой ордой, вспоминая о тех вре-

менах, когда «литва из болота носу не высывала». Новгород держал в Великих Луках особую дружину, иные удельные владетели откупались, как это делали пинские князья, или пропускали незваных гостей в чужие вотчины. Поляки все правобережье Вислы считали опасным для хозяйственной деятельности – могли налететь литовцы.

Другим способом приложения сил для кунигасов была служба у русских же князей. В нынешней Беларуси до сих пор спорят, кем был Миндовг в Новогрудке, если он там был: пострадавшим от сородичей перебежчиком или наемником-узурпатором. Микола Ермолович напоминал, что с помощью литовцев в 1071 году Всеслав Чародей вернул себе власть в Полоцке, его сын Глеб Минский в 1104 году с опорой на них противостоял целой коалиции южнорусских князей, сын Глеба Володарь, рассорившись с полоцким Рогволодом, тоже собирал силы для отпора, «ходяше с литвою в лесах».

На той службе литовцы присматривались и к более высокому уровню организации общества. И строили планы, исполнению которых поспособствовало стечение ряда обстоятельств. Во-первых, это раздробление русских земель и растущая конфликтность между ними. Полоцкое и Туровское княжества распались на 20 уделов. Во-вторых, на балтийском побережье появились крестоносцы, уже пали пруссы, ятвяги, наступала очередь литовцев, на которых рыцари смотрели как «на придорожную траву для своих коней», о чем впоследствии так и сказали полякам, упрекая тех за Кревскую унию. В-третьих, нашествие татаро-монголов и возникшая в связи с этим растерянность. П. Ясеница заметил, что «на восток от Польши и Литвы образовалась настоящая мгла, из которой с течением времени и по мере постепенного ослабления татарского преимущества мог родиться совершенно новый, отличный от предыдущего порядок вещей». Литовцы быстро сообразили, что вызванное ордынским нашествием ослабление южной Руси создало «просто сказочную конъюнктуру для Литвы, которая стала занимать одну за другой обезлюдевшие русские провинции, не прилагая для этого особых усилий». Как едко констатировал современный литовский историк Эдвардас Гудавичюс, за монгольским тигром последовал литовский шакал. И.Б. Греков и Ф.Ф. Шахмагонов даже счи-

тают, что существовал «ордыно-литовский кондоминиум» – совместное владение, в рамках которого следует рассматривать судьбу русских земель в XIII–XV веках. Они полагают, что «при скрытой поддержке ордынской дипломатии уже в первые десятилетия XIV века в сфере литовского влияния оказались не только Гродно, Новгородок, Полоцк, Витебск, Минск, но также Псков, Смоленск, Брянск, в какой-то мере и Тверское княжество». А Георгий Вернадский напоминает о казусном случае более позднего времени: при Ягайло и Витовте Киев и Подолия, входившие в ВКЛ, дань платили хану Тохтамышу.

Способствовал кунигасам и четвертый фактор: русичи некоторых соседних земель сочли, что литовская власть предпочтительнее татарской, она даже ограждала их от ордынцев. Как заметил белорусский историк Вячеслав Носевич, при создании самого большого в ту пору государства в Европе Литва дала русским князьям, русские Литве – закон, язык, государственную структуру. Литва доминировала в политике, а Русь – в культурной сфере. С тем, что политически Литву организовали вожди, набравшиеся опыта в Руси, согласен и П. Ясеница.

Но кунигасы вскоре поняли, что для полного успеха надо овладеть всеми русскими землями, иначе русичи соберутся с силами и вернут себе свое. Тем более что Орда стала слабеть. Ольгерд своих намерений не таил, о чем сообщал константинопольскому патриарху. Витовт тоже говорил, что намерен сесть «на Москве на великом княжении». Так с укреплением ВКЛ образовалось два центра, претендовавших на главенство в русских землях – Вильно и Москва. И с Москвой предстояло помериться силами не на жизнь, а на смерть, пишет П. Ясеница, «между Кремлем и Вильно завязывалась борьба за главное – быть или не быть», а «путей для отступления не существовало, литовская империя могла или целиком выиграть, или целиком рухнуть».

Ситуация в ВКЛ осложнялась тем, что походы во все стороны света уже не были столь успешными. Крестоносцы появлялись у самого Вильно, случалось, доходили до Припяти. В 1382 Ягайло уступил им половину Жмуди, согласился оказывать помощь в походах, не предпринимать войн без их согласия, что означало явную зависимость. Перед ВКЛ встал вопрос о сохранении го-

◀ Восхождение Ягайло на польский трон. Фрагмент росписи собора в Кракове (XV век)

сударства, оказавшегося в окружении врагов по всему периметру своих границ. Беспокоило великого князя и то, что ВКЛ состояло более чем из двух десятков удельных княжеств, не всегда считающихся с волей виленского сюзерена. А еще кунигасы стали понимать, что не могут больше оставаться язычниками: они все больше отстают от остальной Европы, пора вливаться в общий христианский поток, ибо воинские таланты и постоянная готовность к походу, как писал польский историк Марцеллий Косман, значат многое, но не все. Выбор же религии в те времена означал и выбор союзников.

Поначалу Ягайло видел «на флангах» только крестоносцев и московитов, но это был для него выбор по принципу «оба хуже». И тут появился польский вариант. Оценивая ситуацию того времени, П. Ясеница в книге «Польша Ягеллонов» констатировал: «Польша стояла на распутье. Литва же если не на краю пропасти, то, видимо, была на самом пике государственного кризиса». Кунигасы уже поговаривали о поисках приюта в изгнании, на той же Руси, о чем писал Я. Длугош. И то, что Ягайло согласился не на союз, а на вхождение ВКЛ в состав Польши, подчеркивает сложность его положения. А в Крево он поступил в соответствии с собственной логикой: отдал, чтобы получить. Притом отдавал не совсем свое, ведь девять десятых территории ВКЛ составляли завоеванные

▲ Саркофаг
королевы Ядвиги
в соборе в Вавеле

литовцами русские земли, а вот королевский статус приобретал для себя. О важности этого фактора красноречиво говорит случай, последовавший после смерти Ягайло. 30 ноября 1445 года состоялся съезд панов ВКЛ, который «постановил полностью и навсегда отделить Великое княжество от короны Королевства Польского». Однако воспротивилась «династия в лице достигшего мужеских лет Ягеллончика и королевы Соньки» – речь идет о Софье Гольшанской, последней жене Ягайло. Лишиться польского трона, пишет П. Ясеница, было не в их интересах, «ведь это польская корона, а не литовская митра обеспечивала Ягеллонам почетное место в Европе».

Польская ситуация после унии существенно улучшилась: «Государство, которое умещалось исключительно в бассейне Вислы и немножко Одера», констатирует Л. Колянковский, «расширилось до Днестра, Днепра, Немана и Двины». А характеризуя ситуацию до унии, он же утверждал, что Казимира Великого называют великим по недоразумению: «та Польша потеряла свое морское побережье», отдав его немцам, «потеряла Силезию в пользу короны чешской, потеряла червеньские города, занятые венграми...». Крестоносцы грозили Казимиру, что «достанем тебя своими мечами даже в Кракове», германские императоры отказывали ему в праве называться королем. Территория королевства к тому времени составляла «едва ли 100 квадратных километров», Ядвига «была королевой второго разряда». К Литве в Польше относились «с далеко зашедшим неуважением». Король Казимир

считал литвинов смертельными врагами, утверждая, что Литва, кроме «воячки на всех фронтах, не знает никаких межгосударственных отношений». И вот...

Однако в ВКЛ весть об унии не была встречена всеобщим согласием. Вспыхнула усобица. Витовту удалось сохранить княжество и даже настолько укрепить его, что в конце жизни он тоже попытался увенчать себя королевской короной, которой его удостоил тот самый Сигизмунд Люксембургский, ставший императором Священной Римской империи германского народа. Он так и не простил того, что ему не дали надеть польскую корону: всю жизнь вел политику, направленную против Польши, предлагал разделить ее земли, а во время Грюнвальдской битвы за 300 тысяч флоринов – примерно тонна золота – готов был ударить в тыл литовско-польским ратям. Однако корону Витовта перехватили поляки, понимавшие, что, ставь Литва королевством, восточная польская граница снова может превратиться в восточный фронт. Сам Витовт скоропостижно скончался. Историк Витовт Чаропко считает, что его отравили. Но и другие обстоятельства «работали» уже не на Литву. После победы под Грюнвальдом в королевстве стали смотреть на княжество не как на союзника, а как на вассала. Полонизационный нажим стал нарастать.

В польской литературе Кривская уния характеризуется по преимуществу положительно. Тот же П. Ясеница полагает, что ее нужно было заключать еще при Локетке, что она была для Польши и необходимой, и избавительной. Но остается открытым главный вопрос: почему объединенное государство площадью в миллион квадратных километров через несколько веков превратилось в руины, хотя было самым большим в Европе? Резонно предположить, что поляки все-таки ошиблись, выбрав в мужа для Ядвиги человека из иного мира, а он подвел их, руководствуясь соображениями того самого мира, из которого прибыл в Краков. Приняв католичество и став Владиславом, он внутренне остался язычником и оценивал ситуацию с того «олимпа», на котором в его сознании в качестве Зевса восседал его отец Ольгерд, мечтавший о троне в Москве.

Да, замечает П. Ясеница, поляки, идя на унию, руководствовались стремлением не только к возвращению утраченного и рас-

пространению католицизма, но и к «приобретению чужих территорий». Однако их планы не выходили за границы Подолья, о Смоленске, Киеве, тем более Калуге поляки не помышляли. Киевские, галицкие, черниговские, туровские, смоленские князья, случалось, чубились, но и роднились. На польских землях, отмечают польские историки, не было княжества, на троне которого не сиживала бы русская княжна. Ягайло же продемонстрировал «более широкую политическую мысль» с целью «втянуть польские силы в дела восточные» и «привить полякам убеждение, что, участвуя в боях далеко на Востоке, они защищают Вислу».

Станислав Выспяньский тоже отметил, что «до унии Польша была нормальным европейским государством», а заключив ее, «встала перед задачами, которые никому и не снились». По сути, он согласен с П. Ясеницей, считавшим, что «решение всех задач, связанных с унией, превышало людские возможности». Польша встряла в борьбу Вильно и Москвы за объединение под своей властью всех русских земель и погибла вместе с одним из этих центров, взяв на себя роль одного из них, поскольку, как уже отмечалось, путей к отступлению не было. А ведь Ягайло понимал, что «присоединение Литвы к Польше означало втягивание последней в борьбу со всеми врагами Великого Княжества». В то же время, констатируют польские историки, от Литвы некуда было деться. С одной стороны, Польшу «сбивал с правильного пути сам факт союза с Литвой, вынуждая считаться с ее давними целями», с другой, «тот же союз давал Короне значительную и немедленную пользу», поскольку «делал безопасной ее восточную границу».

Генрик Ловмянский тоже констатировал, что тогда Литва «взяла очень сильный разбег, стремясь к гегемонии в восточной Европе», но даже в опоре на Польшу тот же Витовт «не смог достичь цели, к которой так стремилась его выдающаяся индивидуальность». В некотором смысле женитьба Ягайло на польской королеве Ядвиге похожа и на похищение Елены Прекрасной Парисом – сыном царя Трои Приама, после чего греки долго воевали. Заняв трон Ядвиги, Ягайло соблазнил Польшу путями, на которые польские силы не были рассчитаны, а потому привели к падению и королевства, и княжества.

Но была и другая причина падения – внутренний конфликт. Без унии Польша «могла остаться обычным государством одного народа, каких много на континенте, но подписав унию о союзе с литвинами и многочисленными русинами, создала проблематику, которой никогда и нигде перед этим не было», так как «внутри общего государства пробегали граница верований и культур». У П. Ясеницы упреком кунигасам звучат слова о том, что, подчинив земли, равные империи, они не смогли придать им литовский облик, что русская культура оказалась сильнее их оружия, и в момент заключения унии даже великий князь говорил по-русски. В новом «союзном государстве» политика велась так, чтобы всем верам и культурам, кроме польской, ходу давалось все меньше. Можно сколь угодно говорить, что Ягайло не предполагал ополячивания той же шляхты, но уже первые его решения были направлены на это. Переход в католичество поощрялся приобретением значительных имущественных прав. Сорок восемь родов получили польские гербы, но, как заметил Станислав Цат-Мацкевич, русских родов среди них не было – только Радзивиллы, Монтовиллы, то есть те, кто приходил в католицизм из язычества. Прозелитизм ради богатства и власти на целые века стал основным пунктом в поведенческом кодексе кунигасов. Меняя на привилегии веру и язык, ополячивалась вся шляхта. Жизнь давала трещины, превращавшиеся в пропасти, ибо новый партнер навязывал жизнь в княжестве по своим правилам.

После Кревской было еще семь уний между Литвой и Польшей, включая церковную. Они последовательно уменьшали роль ВКЛ. Похоронным звоном по Литве прозвучала Конституция Речи Посполитой, принятая 3 мая 1791 года. В ней княжество уже не упоминалось. Весьма прямо на сей счет высказался польский историк Ежи Лоек, отметив, что главной заслугой конституции является «ликвидация в 1791 году федеративного устройства Речи Посполитой и замена его механизмом государства монолитного, государства явственно и исключительно польского». Так завершился процесс, начатый в 1386 году, констатировал он.

Через четыре года не стало и Речи Посполитой. Но к этому привел уже целый букет причин... ▀